

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7, № 4. С. 11–41.

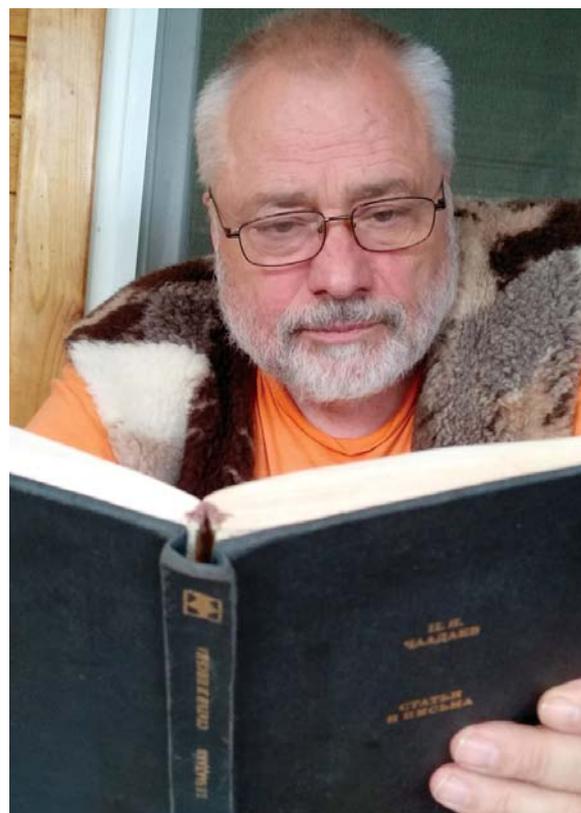
Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2024. Vol. 7, no. 4. P. 11–41.

Научная статья / Original article

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2024-7-4-11-41

ТЕМА ВЛАСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА (ЧИТАЯ ЕЩЕ РАЗ «КАПИТАНСКУЮ ДОЧКУ»)

Владимир Карлович Кантор
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, vlkantor@mail.ru

Аннотация. В своей статье автор рассматривает «Капитанскую дочку» не просто как исторический роман, а как попытку гениального поэта понять, что такое Россия. В романе изображен реальный пугачевский бунт, «русский бунт», столкновения носителя понятия чести — юного дворянина Гринёва и выразителя идеи произвола — вожака бунта Емельяна Пугачёва. Автор рассказывает также, как менялось в истории России от эпохи «Слова о полку Игореве» (честь как добыча) до эпохи Петра Великого содержание понятия чести (честь как личное достоинство), от Петра дошедшее до нашего времени. Заканчивает

© Кантор В. К., 2024

свою статью автор важным для Пушкина эпизодом смелости избранницы героя, добравшейся из глухомани до столицы, где она сумела добиться у императрицы справедливости и свободы для своего жениха. Концовка романа не случайна для пушкинского понимания России: Пушкин был убежден в силе и самоотверженности русской женщины.

Ключевые слова: Пушкин, Пугачев, «Капитанская дочка», русский бунт, честь как кредо героя, Петр Первый, Екатерина Великая, Царскосельский парк, Оренбург, буран, Маша Миронова

Благодарности. Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Кантор В. К. Тема власти в творчестве Пушкина (Читая еще раз «Капитанскую дочку») // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7, № 4. С. 11–41. doi:10.17323/2658-5413-2024-7-4-11-41.

From the Editor

THE THEME OF POWER IN PUSHKIN'S WORKS
(READING "THE CAPTAIN'S DAUGHTER" AGAIN)

Vladimir K. Kantor

National Research University "Higher School of Economics" (HSE University),
Moscow, Russia, vlkantor@mail.ru

Abstract. In the article, the author considers "The Captain's Daughter" not just as a historical novel, but as an attempt by a brilliant poet to understand what Russia is. The novel depicts the real Pugachev rebellion, the "Russian rebellion," the clashes between the bearer of the concept of honor, the young nobleman Grinev, and the spokesman for the idea of tyranny, the leader of the rebellion, Yemelyan Pugachev. The author also tells how the content of the concept of honor (honor as personal dignity) changed in the history of Russia from the era of "The Tale of Igor's Campaign" (honor as booty) to the era of Peter the Great, which has come down to our time from Peter. The author ends his article with an episode important for Pushkin, the courage of the hero's chosen one, who got from the wilderness to the capital, where she mana-

ged to achieve justice and freedom for her fiancé from the empress. The ending of the novel is not accidental for Pushkin's understanding of Russia: Pushkin was convinced of the strength and selflessness of Russian women.

Keywords: Pushkin, Pugachev, “The Captain’s Daughter,” Russian rebellion, honor as a hero’s credo, Peter the Great, Catherine the Great, Tsarskoye Selo Park, Orenburg, snowstorm, Masha Mironova

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Kantor, V. K. (2024) “The Theme of Power in Pushkin’s Works (Reading ‘The Captain’s Daughter’ Again)”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 7(4), pp. 11–41. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2024-7-4-11-41.

Пушкинский роман можно читать много раз. Если в подростковом возрасте читаешь просто как исторический роман с приключениями вроде романов Франсуа Фенелона, Лесажа, Шарля Нодье, Вальтера Скотта, Михаила Загоскина, Булгарина, Лажечникова, Погорельского, то с возрастом российский читатель начинает понимать, что это не приключения, основанные на историческом материале, а роман о судьбе России, где многое объяснено и многое увидено на годы вперед.

Роман вышел в декабре 1836 года, за месяц до убийства поэта, причем вышел в его журнале «Современник», в 4-м номере. Отдельного издания при жизни Пушкина не было.

П. П. Соколов. Маша и Гринев. Рисунок

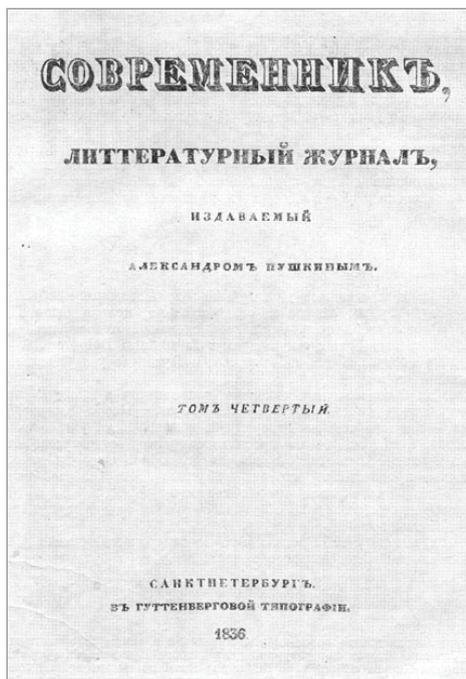
И. И. Линева. Последний прижизненный портрет Пушкина

Пушкин писал не исторический роман, а роман о России. Огромная разница. Он не сочинял понемногу исторический роман, как Окуджава, но пытался понять судьбу своей страны.

В «Пропущенной главе» романа — расширенная формула знаменитой фразы о бессмысленном и беспощадном русском бунте:

Правление было всюду прекращено. Помещики укрывались по лесам. Шайки разбойников злодействовали повсюду. Начальники отдельных отрядов, посланных в погоню за Пугачевым, тогда уже бегущим к Астрахани, самовластно наказывали виноватых и безвинных... Состояние всего края, где свирепствовал пожар, было ужасно. Не приведи бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка.

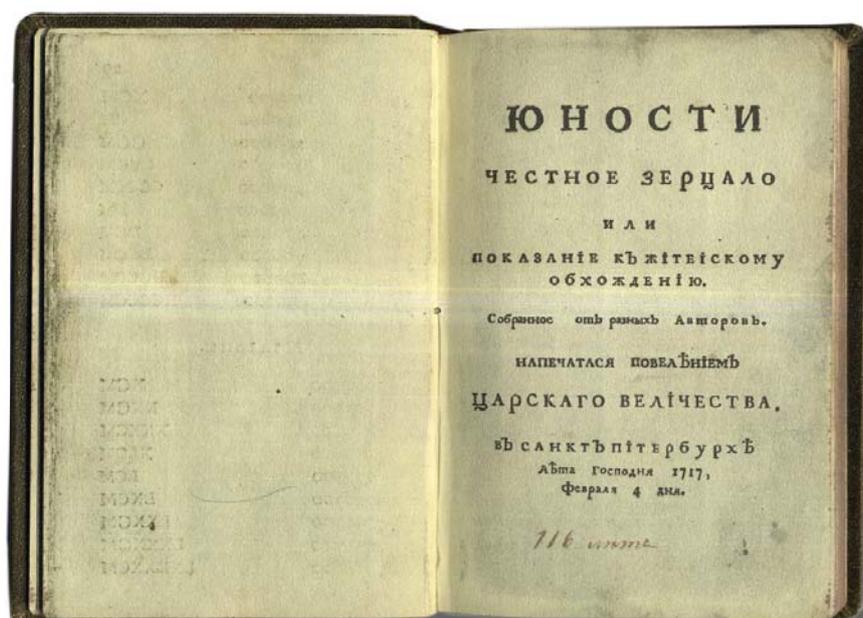
[Пушкин, 1959–1962, т. 5, с. 411]

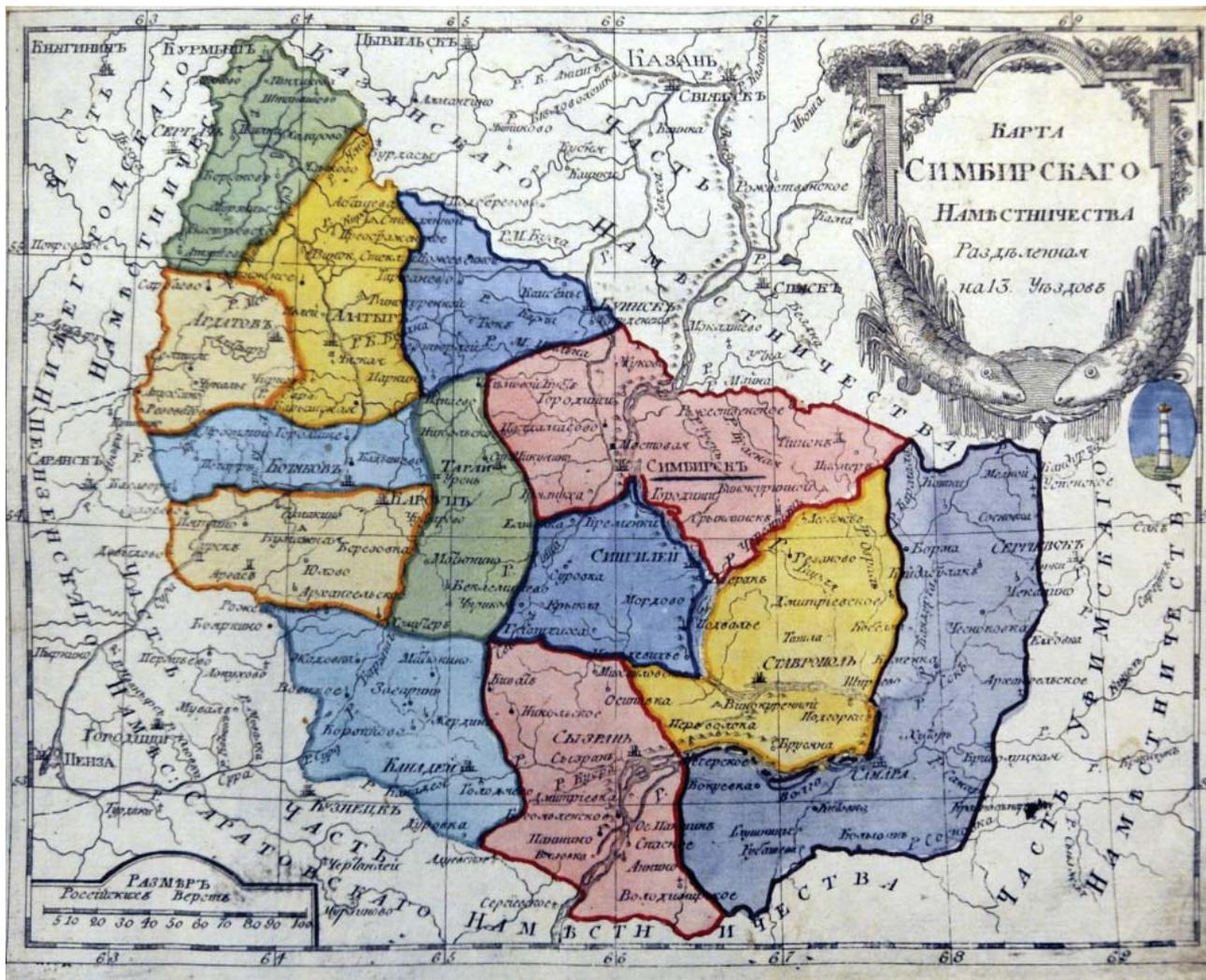
Образы людей, управляющих другими людьми, постоянно в сфере внимания поэта: люди, обладающие властью, что они могут и как к ним относятся. Но у героя романа есть некое кредо, которое в любой ситуации держит его, сохраняя в нем человеческое достоинство. Это кредо Пушкин поставил эпиграфом к роману: «Береги честь смолоду».

Понятие чести приходит в Россию в петровскую эпоху. Россия европеизируется, перенимая все лучшие принципы христианского жизнеповедения, на которые, к сожалению, мало обращали внимания в Московской Руси. Петр начинает почти с азов. По его повелению в 1717 году издается книга, должна воспитать достойного человека: «Юности честное зеркало, или Показание к житейскому обхождению».

Как написано в комментарии, предполагаемый составитель — епископ Рязанский и Муромский Гавриил (Бужинский). В создании книги принимал активное участие и курировал ее издание сподвижник Петра Яков Брюс. «Зерцало» было издано в соответствии с духом петровских реформ, когда основу всей книгопечатной продукции составляли разного рода руководства и на-

Напечатано повелением Царского Величества.
В Санкт-Петербурге Лета Господня 1717 г. Февраля 4 дня

Атлас Российской империи. Карта Симбирского наместничества. 1792

ставления. То есть к моменту пугачевского бунта прошло как минимум полсотни лет, и молодые дворяне должны были ее читать. Нужно также осознать, что Симбирск (или Синбирск), откуда Гринев, дал России немало выдающихся людей.

Начнем с основателя города (в 1648 году) Богдана Матвеевича Хитрово (1615–1680). Вспомним великого историка и поэта Николая Михайловича Карамзина (1766–1826). И далее современники Пушкина — поэт и партизан в войну 1812 года Денис Васильевич Давыдов, поэт Николай Михайлович Языков, великий писатель Иван Александрович Гончаров, вплоть до Владимира Ульянова, отнявшего у города его историческое имя (стал Ульяновск). Иными словами, Симбирск — город образованных людей. Не случайно отец нанимает юному сыну француза-гувернера, мосье Бопре. Кстати, у самого Пушкина было три французских гувернера (французский эмигрант граф Монфор, с идеальным французским языком, затем Русло, Шедель, которые разговаривали с ним

только на французском). Понятие личной чести вкладывалось европейскими учителями в юные головы русских воспитанников. И это понятие во многом стало определять поведение российской дворянской элиты.

Не случайно смысловой опорой, стержнем сюжета «Капитанской дочки» является слово-понятие, прозвучавшее в эпитафии «Береги честь смолоду». Именно честь — основа жизнеповедения героя, несмотря на срывы. В 1820 году Пушкин написал:

Великим быть желаю.

Люблю России честь¹,

Я много обещаю,

Исполню ли, Бог весть!

[Пушкин, 1959–1962, т. 1, с. 485]

Но как сказал мне однажды в ответ на эти мои рассуждения начитанный студент: «Но, профессор, в Древней Руси уже существовало это понятие чести!

В «Слове о полку Игореве» сказано: «Ища себе чести, а князю славы»». В его возрасте я и сам так думал — в духе публицистики Д. С. Лихачева, писавшего о героическом пафосе «Слова». Однако дальнейшее чтение и знание во многом изменило мое понимание этой фразы, дав ответ на естественный вопрос мой и начитанного студента. В работе филолога Игоря Алексеевич Еремеева дана такая трактовка этой знаменитой фразы из «Слова о полку Игореве»: «Сначала перечисляются военные трофеи, добытые в результате победы над половцами: красные девки половецкие, золото, бархатные ткани, шубы и прочее. Все это взяла себе дружина. А князь получил багряное знамя, белую хо-

¹ Курсив мой. — Примеч. авт.

ругвь, багряную чолку и серебряное древко». Итак, «“честь” дружины, которую она “ищет” — это военная добыча, “слава” князя — стяги противника и прочие атрибуты победы. (...) “Честь” как военная добыча соответствует исконному значению этого слова: *честь* (*с-честь*, сосчитать: *по-честь*, *по-чет*) = *часть* (получаемая при разделе добычи)» [Еремеев, 2021, с. 321].

Об этом же и Лотман:

«Честь» и «слава» обозначают отличие, знак социального достоинства данного члена коллектива, но природа их различна. «Честь» — атрибут младшего феодала. Ее получают от старшего на иерархической лестнице, и она всегда имеет материальное выражение. Так, для того чтобы добыча, захваченная на поле боя, стала *знаком чести*, ее надо отдать сюзерену, а потом получить от него как признание своих воинских заслуг. Собрав от вассалов их добычу и «наградив» их же потом ею, старший феодал превращает захваченные вещи в знаки. Честь подразумевает наличие награды, которая есть ее материальный знак.

[Лотман, 1993, с. 113]

В послепетровской европеизированной России понятие чести стало атрибутом личного благородства. Слово «честь» встречается в произведениях Пушкина 340 раз. Мы привыкли воспринимать Пушкина как правнука «арапа Петра Великого» Абрама Ганнибала. И удивляемся тому, что человек с африканскими корнями стал таким глубоко национальным русским поэтом. Но история рода Пушкина бесспорно очень тесно связана с историей России.

Пушкин гордился своим шестисотлетним дворянством. В «Моей родословной» (1830) он утверждает, что его род всегда был среди строителей русского государства, Пушкин — потомственный государственный. В «Начале новой автобиографии» (1834) он так написал:

Мы ведем свой род от прусского выходца *Радши* или *Рачи* (*мужа честна*, говорит летописец, то есть знатного, благородного, выехавшего в Россию во время княжества св. Александра Ярославича Невского. От него произошли Музины, Бобрищевы, Мятлевы, Поводовы, Каменские, Бутурлины, Кологривовы, Шерефединовы и Товарковы. Имя предков моих встречается поминутно в нашей истории.

[Пушкин, 1959–1962, т. 7, с. 285–286]

А вот и стихи:

Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил;
Его потомство гнев венчанный,
Иван IV пощадил.
Водились Пушкины с царями;
Из них был славен не один,
Когда тягался с поляками
Нижегородский мещанин.

[Пушкин, 1959–1962, т. 2, с. 331]

Но особой гордостью поэта был его предок арап Ибрагим, ставший воспитанником Петра Великого:

Родословная матери моей еще любопытнее. Дед ее был негр, сын владетельного князька. Русский посланник в Константинополе как-то достал его из сераля, где содержался он аманатом, и отослал его Петру Первому вместе с двумя другими арапчатами. Государь крестил маленького Ибрагима в Вильне, в 1707 году, с польской королевою, супругою Августа, и дал ему фамилию Ганибал. В крещении наименован он был Петром; но как он плакал и не хотел носить нового имени, то до самой смерти назывался Абрамом. Старший брат его приезжал в Петербург, предлагая за него выкуп. Но Петр оставил при себе своего крестника.

[Пушкин, 1959–1962, т. 7, с. 288]

По некоторым легендам, род Ибрагима, сына эфиопского властелина, вел свое происхождение от царя Соломона. Библейская мудрость видна в последнем прижизненном портрете Пушкина (художник И. Л. Линева). Его роман (начало) «Арап Петра Великого» — рассказ о вхождении черного юноши в боярскую элиту.

Петр дал Абраму прозвище Ганнибал в честь почитаемого им карфагенского полководца. Абрам Петрович получил хорошее образование и воспитание. Знал военное дело, математику, мореходство, иностранные языки. Был на хороших должностях при дворце. А его брат особо не отличился, работал гобоистом в Преображенском полку.

Старший сын его, Иван Абрамович, столь же достоин замечания, как и его отец. Он пошел в военную службу вопреки воле родителя, отличился и, ползая

Неизвестный художник. Генерал-аншеф Абрам Петрович Ганнибал

на коленях, выпросил отцовское прощение. Под Чесмою он распорядился брандерами и был один из тех, которые спаслись с корабля, взлетевшего на воздух. В 1770 году он взял *Наварин*; в 1779 выстроил *Херсон* (курсив мой. — В. К.)². Его постановления донныне уважаются в полуденном краю России, где в 1821 году видел я стариков, живо еще хранивших его память.

[Пушкин, 1959–1962, т. 7, с. 289–290]

Решил Фиглярин, сидя дома,
Что черный дед мой Ганнибал
Был куплен за бутылку рома
И в руки шкиперу попал.

Сей шкипер был тот шкипер славный,
Кем наша двинулась земля,
Кто придал мощно бег державный
Рулю родного корабля.

² Не худо об этом и нам помнить.

Сей шкипер деду был доступен,
И сходно купленный арап
Возрос усерден, неподкупен,
Царю наперсник, а не раб.

И был отец он Ганнибала,
Пред кем средь чесменских пучин
Громада кораблей вспылала,
И пал впервые Наварин.

[Пушкин, 1959–1962, т. 2, с. 332]

Марина Цветаева:

...Заговор равных.
И вот, не спросясь повитух,
Гигантова крестника правнук
Петров унаследовал дух,

И шаг, и светлейший из светлых
Взгляд — коим поныне светла...
Последний — посмертный — бессмертный
Подарок России — Петра.

(Стих Цветаевой о Пушкине)

Пушкин достаточно тесно общался с царями (ведь его семья принадлежала, что называется, к «средне-высшему слою» государства). Сам он шутливо говорил, что тесно сталкивался с тремя царями. В письме Наталье Пушкиной от 20 и 22 апреля 1834 года поэт писал: «*Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю: от “добра добра не ищут”*» (курсив мой. — В. К.)» [Пушкин, 1959–1962, т. 10, с. 172]. В зрелости он стал бесспорным монархистом. Напомним, что он дружил с Карамзиным, убежденным сторонником монархии. Поначалу, в период так сказать декабристской юности, он называл Александра «кочующим деспотом», потом писал «дней Александровых прекрасное начало» и завершил прения с императором «Воображаемым разговором», написанным от лица царя, где он пикировался с царем, завершив «Разговор» шуткой: «Но тут бы Пушкин разгорячился и наговорил мне много лишнего, я бы рассер-

дился и сослал его в Сибирь, где бы он написал поэму “Ермак” или “Кочум”, разными размерами с рифмами» [Пушкин, 1959–1962, т. 7, с. 345]. Понятно, что это ироническая игра.

Не забудем, что учился он в Царскосельском лицее, находившемся под патронажем царя, гулял в Царском Селе, как поэта его благословил сам Державин, сражавшийся в 1770-е с Пугачевым. Линия Петра в управлении государством была определяющей для Пушкина. Он в зрелости очень хорошо понимал важность государя в жизни государства. Гоголь в своей книге «Выбранные места из переписки с друзьями» (глава «О лиризме наших поэтов») так вспоминал слова Пушкина о значении императора для российского государства:

Как умно определял Пушкин значение полномочного монарха и как он вообще был умен во всем, что ни говорил в последнее время своей жизни! «Зачем нужно, — говорил он, — чтобы один из нас стал выше всех и даже выше самого закона? Затем, что закон — дерево; в законе слышит человек что-то жесткое и небратское. С одним буквальным исполнением закона не далеко уйдешь; нарушить же или не исполнить его никто из нас не должен; — для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая закон, которая может явиться людям только в одной полномочной власти. Государство без полномочного монарха — автомат: много-много, если оно достигнет того, до чего достигнули Соединенные Штаты. А что такое Соединенные Штаты? Мертвечина; человек в них выветрился до того, что и выеденного яйца не стоит. Государство без полномочного монарха то же, что оркестр без капельмейстера: как ни хороши будь все музыканты, но, если нет среди их одного такого, который бы движеньем палочки всему подавал знак, никуда не пойдет концерт. А, кажется, он сам ничего не делает, не играет ни на каком инструменте, только слегка помахивает палочкой да поглядывает на всех, и уже один взгляд его достаточен на то, чтобы умягчить, в том и другом месте, какой-нибудь шершавый звук, который испустил бы иной дурак-барабан или неуклюжий тулумбас. При нем и мастерская скрипка не смеет слишком разгуляться на счет других: блюдет он общий строй, всего оживитель, верховодец верховного согласия!» Как метко выражался Пушкин! Как понимал он значенье великих истин!

[Гоголь, 1952, с. 252–253]

Но вот декабрь 1825 года, дворянская гвардия вышла на площадь, протестуя против присяги Николаю. Поэт собирался быть там. Но судьба распорядилась иначе. Суеверный Пушкин повернул лошадей, когда дорогу перебежал заяц, и не попал на Сенатскую площадь. Декабристский бунт прошел без него

Е. И. Ботман. Портрет императора Николая I. 1856

как возможного участника. В 1826 году его призвал к себе Николай, сказав после разговора с поэтом, что сейчас беседовал с умнейшим человеком России. Поэту было разрешено вернуться в Петербург, и, когда осел там как семейный человек, он возобновил свои прогулки в Царском Селе (где Маша Миронова встретила Екатерину).

По словам Смирновой-Россет, летом 1831 года (около 20 июля) во время прогулки в Царском Селе Пушкин встретил Николая I и между ними состоялся разговор, в результате которого поэту было предложено заняться написанием истории Петра I. Государь сказал Пушкину: «Мне бы хотелось, чтобы король Нидерландский отдал мне домик Петра Великого в Саардаме». Пушкин ответил: «Государь, в таком случае я попрошу Ваше Величество назначить меня в дворники». Государь рассмеялся и сказал: «Я согласен, а покамест назначаю тебя его историком и даю позволение работать в тайных архивах» [Смирнова-Россет, 1989, с. 566]. Разрешение работать в тайных архивах до Пушкина дано было только Карамзину. Так с 1831 года поэт стал придворным историографом, что позволило ему собрать и материал о пугачевском деле.

Думаю, что, если бы он не написал «Историю Пугачева», он не сумел бы написать «Капитанскую дочку». Как это ни покажется странным, но Николай, хотя и видел, что история Петра отодвинута историографом, который занялся историей бунтовщика, не возражал, даже поддержал поэта. Хочу сослаться на интересное соображение историка, доктора философских наук С. А. Экштута:

28 декабря 1834 года в Петербурге вышла в свет историческая монография Александра Сергеевича Пушкина «История Пугачевского бунта», снабженная обширными документальными приложениями. На обороте титульного листа, там, где обычно печаталось цензурное разрешение и указывалась фамилия цензора, значилось:

«С дозволения Правительства».

Ни один цензор Российской империи не отважился бы разрешить публикацию научного труда, посвященного пугачевщине. Со времен правления Екатерины II восстание под предводительством Емельяна Ивановича Пугачева было официально изъято из истории государства Российского. Манифест Екатерины II от 17 марта 1775 года, в частности провозглашавший амнистию участникам восстания, предавал «все прошедшее вечному забвению и глубокому молчанию» и запрещал «впредь чинить о сих делах притязание и изыскание». Современники государыни «толковали, что о Пугачеве приказано забыть». Научные изыскания Пушкина, его притязания отыскать историческую истину и сохранить для потомства трагическую страницу отечественной истории — всё это противоречило воле императрицы Екатерины.

Лишь вмешательство Николая I, ради пушкинской книги фактически отменившего давний манифест своей августейшей бабки, позволило историку выпустить в свет его кропотливое и добросовестное исследование.

[Экштут, 2023, с. 62–63]

Зачем это было нужно царю? По мнению Экштута, книга была призвана психологически подготовить дворянство к неотвратимости предстоящих изменений — грядущей «революции сверху» в России, совершить которую довелось уже его сыну Александру II. Царь прочитал пушкинский труд в рукописи и сделал ряд редакционных замечаний, которые сам Пушкин нашел «очень дельными». В рукописном предисловии историк отметил заслуги императора перед российской исторической наукой.

И Пушкин в своей «Истории» в самом деле описал чудовище. Его должны были испугаться и дворяне, и все мало-мальски образованные люди. Вот один из чудовищных, невероятных по жестокости эпизодов. 27 сентября 1773 года

мятежники отправились к крепости Татищевой, комендантом которой был полковник Федор Тимофеевич Елагин, чья молодая и красивая дочка незадолго перед началом восстания стала женой майора Харлова. Пугачевцам удалось поджечь деревянные укрепления этой крепости.

Наконец мятежники ворвались в дымящиеся развалины. Начальники были захвачены. Билову отсекли голову. С Елагина, человека тучного, содрали кожу; злодеи вынули из него сало и мазали им свои раны.

Жену его изрубили. Дочь их, накануне овдовевшая Харлова, приведена была к победителю, распорядившему казнию ее родителей. Пугачев поражен был ее красотой и взял несчастную к себе в наложницы, пощадив для нее семилетнего ее брата. Все офицеры были повешены. Несколько солдат и башкирцев выведены в поле и расстреляны картечью.

[Пушкин, 1959–1962, т. 7, с. 25–26]

Спустя некоторое время были зверски убиты молодая вдова Харлова и ее брат.

Государь дозволил публикацию книги и расценил грядущий выход в свет «Истории Пугачевского бунта» как важную государственную акцию, а не

исключительно личное дело автора. 31 декабря 1833 года за поднесение государю рукописи книги Пушкин был пожалован придворным званием камер-юнкера. 16 марта 1834 года император Николай I пожаловал автору на печатание книги 20000 рублей «в ссуду на два года без процентов и без вычета в пользу вечных». (Это была весьма значительная сумма — 6 335 195 рублей в реалиях 2023 года). Кроме того, первый завод «Истории» (1200 экземпляров) был напечатан на казенной бумаге.

[Экштут, 2023, с. 63–64]

Посылая из Петербурга 26 апреля 1835 года экземпляр «Пугачева» И. И. Дмитриеву, Пушкин писал:

Его побранивают, и поделом: я писал его для себя, не думая, что мог напечатать, и старался только об одном ясном изложении происшествий, довольно запутанных. Читатели любят анекдоты, черты местности и пр.; а я все это отбросил в примечания. Что касается до тех мыслителей, которые негодуют на меня за то, что Пугачев представлен у меня Емелькой Пугачевым, а не Байроновым Ларою, то охотно отсылаю их к г. Полевому, который, вероятно, за сходную цену, возьмется идеализировать это лицо по самому последнему фасону.

[Пушкин, 1959–1962, т. 10, с. 231]

Марина Цветаева тоже хотела видеть в Пугачеве романтического героя. В своем замечательном эссе «Пушкин и Пугачев» она написала о магической силе Пугачева-Вожатого, который ведет героя по роману, выведя из бурана и далее из огня разбойничьей войны. Он преступник, но безусловно харизматичный.

Что ж, Пушкин это понимал. Романтического героя, дворянина, принимающего участие в крестьянском разбое, более того, возглавившего его, Пушкин описал в романе «Дубровский» (1832–1833), но не опубликовал его.

Изучая подробности пугачевского бунта, думая изобразить благородного дворянина, перешедшего на сторону Пугачева, вариант Дубровского, или Робин Гуда, или Ринальдо Ринальдини, он почувствовал, что здесь нечто другое. Очевидно, чем больше он вчитывался в эту кровавую историю, тем яснее становилась гнусность и Пугачева, и перешедшего к Пугачеву дворянина. В результате возникает пара — юный, наивный Гринев, воспитанный в понятиях чести, и абсолютно безнравственный Швабрин. Любопытно, что Огарев, эмигрант-радикал, человек, отдавший, не моргнув глазом, свою жену своему другу Герцену, готов был пойти в ординарцы к Пугачеву.

Но все же смысловой опорой сюжета является слово-понятие, прозвучавшее в эпиграфе «Береги честь смолоду». Именно честь — основа жизнеповедения героя, несмотря на срывы.

Тема чести очень ясно звучит в жизни и творчестве Пушкина — например, в гениальной и донельзя актуальной сегодня поэме «Полтава», в словах Кочубея, ведомого палачом на предсмертную пытку:

Так, не ошиблись вы: три клада
В сей жизни были мне отрада.
И первый клад мой честь была,
Клад этот пытка отняла;
Другой был клад невозвратимый
Честь дочери моей любимой.
Я день и ночь над ним дрожал:
Мазепа этот клад украл.
Но сохранил я клад последний,
Мой третий клад: святую месть.
Ее готовлюсь богу снести.

[Пушкин, 1959–1962, т. 3, с. 214]

Пугачев «Капитанской дочки» — человек, в равной степени способный из прихоти на жестокость и на милость, фигура, пугающая и завораживающая, как собирающийся на горизонте буран.

Какой герой мог быть противопоставлен мятежному казаку? Только человек чести, который не сильнее его, но нравственно тверже.

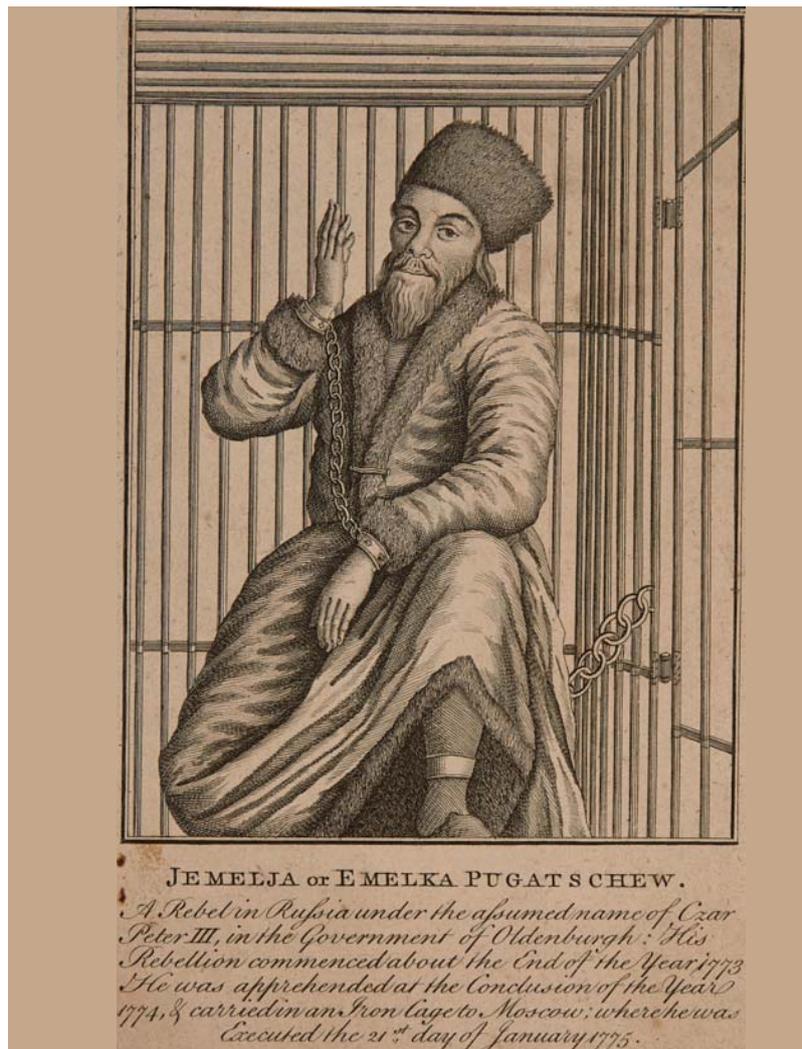
Отправляя Денису Давыдову экземпляр «Истории Пугачевского бунта», Пушкин пишет:

Вот мой Пугач: при первом взгляде
Он виден — плут, казак прямой!
В передовом твоём отряде
Урядник был бы он лихой.

Послание написано 18 января 1836 года

Два важных для нас слова — *плут* и *урядник*.

Не государь, а плут, понимающий, что он играет некую роль, не государь, а урядник. То есть унтер-офицер, низший офицерский чин. И этот кровавый плут вполне заслужил клетку, в которую его посадили победители. И его непомерная хвастливость тоже краска для образа плута.

«...Как ты думаешь: прусский король мог ли бы со мною потягаться?»
Хвастливость разбойника показалась мне забавна. «Сам как ты думаешь? — сказал я ему. — Управился ли бы ты с Фридериком?»
— С Федор Федоровичем (курсив мой. — В. К.)? А как же нет?

[Пушкин, 1964, с. 68]

Пугачев появляется из бурана, как некий добрый дьявол (но дьявол!), выводит Гринева к трактиру, к постоялому двору, где ведет с хозяином речь, произнося странные слова, на каком-то будто другом языке. Вроде как заклинания. Он и дворянина как бы втягивает в эти неформальные отношения.

Я поднес ему чашку чаю; он отведал и поморщился. «Ваше благородие, сделайте мне такую милость, — прикажите поднести стакан вина; чай не наше казачье питье». Я с охотой исполнил его желание. Хозяин вынул из ставца штоф и стакан, подошел к нему, и взглянув ему в лицо: «Эхе, — сказал он, — опять

ты в нашем краю! Отколе бог принес?» — Вожатый мой мигнул значительно и ответил поговоркою: «В огород летал, конопля клевал; швырнула бабушка камушком — да мимо. Ну, а что ваши?»

— Да что наши! — отвечал хозяин, продолжая иносказательный разговор. — Стали было к вечеру звонить, да попадья не велит: поп в гостях, черти на погосте. — «Молчи, дядя, — возразил мой бродяга, — будет дождик, будут и грибки; а будут грибки, будет и кузов. А теперь (тут он мигнул опять) заткни топор за спину: лесничий ходит. Ваше благородие! за ваше здоровье!» При сих словах он взял стакан, перекрестился и выпил одним духом. Потом поклонился мне и воротился на полати.

[Пушкин, 1964, с. 16–17]

Семнадцатилетний Петр Гринев отправлен отцом в армейскую службу в Оренбург, куда он добрался сквозь буран, к приятелю отца, но тот переправляет его в Белогорскую крепость.

Я глядел во все стороны, ожидая увидеть грозные бастионы, башни, вал; но ничего не видал, кроме деревушки, окруженной бревенчатым забором. (...) «Где же крепость?» — спросил я с удивлением. — «Да вот она», — отвечал ямщик, указывая на деревушку, и с этим словом мы в нее въехали.

[Пушкин, 1964, с. 19–20]

Как пишут комментаторы, *крепости с таким названием в окрестностях Оренбурга нет, по расстоянию и местоположению — сорок верст от Оренбурга — больше всего на Белогорскую похожа Татищева крепость (ныне село Татищево). Возможно, название для крепости подсказали Пушкину меловые горы, которые он видел по дороге из Оренбурга в Уральск.* Взросление и возмужание героя выпало на страшные годы России. К концу романа, как ясно из «Пропущенной главы», ему уже двадцать. В эпоху безвластия опора одна — личная честь.

Меня снова привели к самозванцу и поставили перед ним на колени. Пугачев протянул мне жилистую свою руку. «Целуй руку, целуй руку!» — говорили около меня. *Но я предпочел бы самую лютую казнь такому подлому унижению* (курсив мой. — В. К.). «Батюшка Петр Андреич! — шептал Савельич, стоя за мною и толкая меня. — Не упрямясь! Что тебе стоит? плюнь да поцелуй у злод... (тьфу!) поцелуй у него ручку». Я не шевелился.

[Пушкин, 1964, с. 45–46]

Бережет честь!

Неизвестный художник. Портрет Емельяна Пугачева. «Подлинное изображение бунтовщика изменщика Емельки Пугачева». Вторая половина XVIII века. Государственный музей-заповедник «Ростовский Кремль». Фотография Сергея Прокудина Горского. 1911

Пугачев опустил руку, сказав с усмешкою: «Его благородие знать одурел от радости. Подымите его!» Меня подняли и оставили на свободе. Я стал смотреть на продолжение ужасной комедии.

Жители начали присягать. Они подходили один за другим, целуя распятие и потом кланяясь самозванцу. Гарнизонные солдаты стояли тут же. Ротный портной, вооруженный тупыми своими ножницами, резал у них косы. Они, отряхиваясь, подходили к руке Пугачева, который объявлял им прощение и принимал в свою шайку. Все это продолжалось около трех часов. Наконец Пугачев встал с кресел и сошел с крыльца в сопровождении своих старшин. Ему подвели белого коня...

[Пушкин, 1964, с. 46]

В эту минуту раздался женский крик. Несколько разбойников вытащили на крыльцо Василису Егоровну, растрепанную и раздетую донага. Один из них успел уже нарядиться в ее душегрейку. Другие таскали перины, сундуки, чайную посуду, белье и всю рухлядь. «Батюшки мои! — кричала бедная старушка. — Отпустите душу на покаяние. Отцы родные, отведите меня к Ивану Кузьмичу». Вдруг она взглянула на виселицу и узнала своего мужа. «Злодеи! — закричала она в исступлении. — Что это вы с ним сделали? Свет ты мой, Иван Кузьмич, удалая солдатская головушка! не тронули тебя ни штыки прусские, ни пули турецкие; не в честном бою положил ты свой живот, а сгинул от беглого каторжника!» — «Унять старую ведьму!» — сказал Пугачев. Тут молодой казак ударил ее саблею по голове, и она упала мертвая на ступени крыльца. Пугачев уехал; народ бросился за ним.

[Пушкин, 1964, с. 46]

Он злодей вроде одноногого Сильвера из «Острова сокровищ», защищавшего временами юного Джима. Ведь у пирата злодейские поступки временами перемежались добрыми. Но русский разбойник более сложный. Каждый добрый поступок Сильвера преследовал выгоду. Выгоды щадить Гринева у Пугачева не было. Но было другое. Взаимоотношения Пугачева и юного дворянина — это история длительного соблазна. Он не только выводит его из бурана, спасает от петли, но и содействует ему во всех перипетиях страшной бойни. Гринев устоял. Поначалу он не признал в главаре разбойников вожатого, пока слуга Савельич ему не указал на сходство:

Я изумился. В самом деле сходство Пугачева с моим вожатым было разительно. Я удостоверился, что Пугачев и он были одно и то же лицо, и понял тогда причину пощады, мне оказанной. Я не мог не подивиться странному сцеплению обстоятельств: детский тулуп, подаренный бродяге, избавлял меня от петли, и пьяница, шатавшийся по постоялым дворам, осаждал крепости и потрясал государством!

[Пушкин, 1964, с. 48]

Герой не сломался, не соблазнился. Сломался и предал присягу, потеряв свою честь, другой офицер и дворянин, проколовший героя шпагой, когда тот отвернулся, оклеветавший капитанскую дочку Машу, которая отвергла его ухаживания, соперник Гринева. Попадья восклицает: «Как это вас пощадили? А каков Швабрин, Алексей Иваныч? Ведь остригся в кружок и теперь у нас тут же с ними пирует! Проворен, нечего сказать! А как сказала я про больную

племянницу, так он, веришь ли, так взглянул на меня, как бы ножом насквозь; однако не выдал, спасибо ему и за то» [Пушкин, 1964, с. 48].

Напомню, что все же смысловой опорой сюжета является слово-понятие, прозвучавшее в эпиграфе «Береги честь смолоду». Потрясает разговор Гринева с самозванцем:

Я смутился. Признать бродягу государем был я не в состоянии: это казалось мне малодушием непростительным. Назвать его в глаза обманщиком — было подвергнуть себя гибели; и то, на что был я готов под виселицею в глазах всего народа и в первом пылу негодования, теперь казалось мне бесполезной хвастливостию. Я колебался. Пугачев мрачно ждал моего ответа. Наконец (и еще ныне с самодовольствием поминаю эту минуту) *чувство долга восторжествовало* (здесь и далее в этой цитате курсив мой. — В. К.) во мне над слабостию человеческою. Я отвечал Пугачеву: «Слушай; скажу тебе всю правду. Рассуди, могу ли я признать в тебе государя? Ты человек смысленный; ты сам увидел бы, что я лукавствую».

— Кто же я таков, по твоему разумению?

— Бог тебя знает; но кто бы ты ни был, ты шутишь опасную шутку.

Пугачев взглянул на меня быстро. «Так ты не веришь, — сказал он, — чтоб я был государь Петр Федорович? Ну, добро. А разве нет удачи удалому? Разве в старину Гришка Отрепьев не царствовал? Думай про меня что хочешь, а от меня не отставай. Какое тебе дело до иного-прочего? Кто ни поп, тот батька. *Послужи мне верой и правдою, и я тебя пожалую и в фельдмаршалы, и в князья. Как ты думаешь?*»

— Нет, — отвечал я с твердостью. — Я природный дворянин; я присягал государыне императрице: тебе служить не могу. Коли ты в самом деле желаешь мне добра, так отпусти меня в Оренбург.

Пугачев задумался. «А коли отпущу, — сказал он, — так обещаешься ли по крайней мере против меня не служить?»

— Как могу тебе в этом обещаться? — отвечал я. — Сам знаешь, не моя воля: велят идти против тебя — пойду, делать нечего. Ты теперь сам начальник; сам требуешь повиновения от своих. На что это будет похоже, если я от службы откажусь, когда служба моя понадобится? Голова моя в твоей власти: отпустишь меня — спасибо; казнишь — бог тебе судья; а я сказал тебе правду.

Моя искренность поразила Пугачева. «Так и быть, — сказал он, ударя меня по плечу. — Казнить так казнить, миловать так миловать...».

[Пушкин, 1964, с. 51]

Для дворян очевидна позиция уничтожения разбойников. Пушкин это прекрасно понимал. Среди заметок к пугачевской истории он приводит эпизод из жизни великого Державина:

Державин, приближаясь к одному селу близ Малыковки с двумя казаками — узнал, что множество народу собралось и намерены идти к Пугачеву. Он приехал прямо к сборной избе и требовал от писаря Злобина (впоследствии богача) изъяснения, зачем собрался народ и по чьему приказанию. Начальники выступили и объявили, что идут соединиться с государем Петром Федоровичем и начали было наступать на Державина. Он велел двух повесить, а народу велел принести плетей и всю деревню пересек. Сборище разбежалось. Держ(авин) уверил их, что за ним идут три полка.

Дмитриев уверял, что Державин повесил их из поэтического любопытства.

[Пушкин, 1964, с. 106, дополнения]

В романе такого рода случаи поэт не приводит. Здесь очевидно злодейство пугачевцев и Пугачева, который в отношениях с Гриневым вдруг превращается в своего рода опекуна. Он выстраивает ситуацию с Гриневым *как бы над разлитым злом*, даже невесту Машу Миронову, дочь убитых коменданта крепости и его жены, возвращает ему и выпускает из мятежной слободы.

Через час урядник принес мне пропуск, подписанный каракульками Пугачева, и позвал меня к нему от его имени. Я нашел его готового пуститься в дорогу. Не могу изъяснить то, что я чувствовал, расставаясь с этим ужасным человеком, извергом, злодеем для всех, кроме одного меня. Зачем не сказать истины? В эту минуту сильное сочувствие влекло меня к нему. Я пламенно желал вырвать его из среды злодеев, которыми он предводительствовал, и спасти его голову, пока еще было время. Швабрин и народ, толпящийся около нас, помешали мне высказать все, чем исполнено было мое сердце.

Мы расстались дружески. Пугачев, увидя в толпе Акулину Памфиловну, угрозил пальцем и мигнул значительно; потом сел в кибитку, велел ехать в Берду, и когда лошади тронулись, то он еще раз высунулся из кибитки и закричал мне: «Прощай, ваше благородие! Авось увидимся когда-нибудь». Мы точно с ним увиделись, но в каких обстоятельствах!..

[Пушкин, 1964, с. 73]

Казалось бы, странное окончание романа. Но это еще не конец. Еще Гринев сражается с бунтовщиками в составе регулярной армии. Потом арест и обви-

нение в измене и союзе с Пугачевым. Это, как выяснилось, по клеветническому оговору попавшего в плен императорской армии Швабрина. Чувство чести не позволило герою рассказать о реальной ситуации, чтобы не запутать сюда Машу Миронову.

* * *

Здесь я позволю себе небольшое, но очень важное отступление, чтобы показать цепочку великих произведений русской литературы, сквозь которые видно работу понятия чести. Речь о двух великих романах, авторы которых видели своего *вожато* в Пушкине. Это «Бесы» Достоевского и «Белая гвардия» Михаила Булгакова. Совершенно явное продолжение темы чести мы находим («Бесы») в словах писателя Кармазинова, списанного с Тургенева, который назвал революционную преступницу в стихотворении «Порог» святой³. Вот слова Кармазинова:

Сколько я вижу и сколько судить могу, вся суть русской революционной идеи заключается в отрицании чести. Мне нравится, что это так смело и безбоязненно выражено. Нет, в Европе еще этого не поймут, а у нас именно на это-то и набросятся. Русскому человеку честь одно только лишнее бремя. Да и всегда было бременем, во всю его историю. Открытым «правом на бесчестье» его скорей всего увлечь можно.

[Достоевский, 1990, с. 349]

Бесы победили. Случилась революция, затем гражданская война, многие талантливые Швабрины стали красными командирами. Впрочем, поводов не любить царский режим было достаточно. Но писатель Михаил Булгаков написал роман «Белая гвардия», не Красная, не железный поток, а о семье потомственных интеллигентов Турбиных. И уже эпиграфом он отсылает читателя к «Капитанской дочке»:

³ «— Готова ли ты на преступление?

Девушка потупила голову...

— И на преступление готова.

Голос не тотчас возобновил свои вопросы.

— Знаешь ли ты, — заговорил он наконец, — что ты можешь разувериться в том, чему веришь теперь, можешь понять, что обманулась и даром погубила свою молодую жизнь?

— Знаю и это. И все-таки я хочу войти.

— Войди!

Девушка перешагнула порог — и тяжелая завеса упала за нею.

— Дура! — проскрежетал кто-то сзади.

— Святая! — принеслось откуда-то в ответ» [Тургенев, 1982, с. 21].

Пошел мелкий снег и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось с снежным морем. Все исчезло.

— Ну, барин, — закричал ямщик, — беда: буран!

«Капитанская дочка»

[Булгаков, 2015, с. 8]

Буран у Пушкина — намек на надвигающийся пугачевский бунт, у Булгакова речь об уже разразившейся гражданской войне. Киев захватили петлюровцы, вполне бандиты, вроде разбойников Пугачева. Поэтому второй эпитаф трагический — из Апокалипсиса:

И судимы были мертвые по написанному в книгах сообразно с делами своими...

[Булгаков, 2015, с. 8]

И, естественно, в романе поминается честь. Главному герою романа, Алексею Турбину, снится сон:

Он сидел и воспаленными глазами глядел в страницу первой попавшейся ему книги и вычитывал, бессмысленно возвращаясь к одному и тому же:

«Русскому человеку честь — одно только лишнее бремя...»

Только под утро он разделся и уснул, и вот во сне явился к нему маленького роста кошмар в брюках в крупную клетку и глумливо сказал:

— Голым профилем на ежа не сядешь?.. Святая Русь — страна деревянная, нищая и... опасная, а русскому человеку честь — только лишнее бремя.

— Ах ты! — вскричал во сне Турбин, — г-гадина, да я тебя. — Турбин во сне полез в ящик стола доставать браунинг, сонный, достал, хотел выстрелить в кошмар, погнался за ним, и кошмар пропал.

[Булгаков, 2015, с. 46]

Турбины среди крови и хаоса войны продолжают отстаивать свою честь — жертвуя на краю гибели всем, кроме собственного самоуважения. Интересно, что «Дни Турбиных» (на основе романа) — пьесу о людях чести — большевистский пахан Сталин смотрел четырнадцать (!) раз. Можно понравившийся спектакль посмотреть пару раз, но четырнадцать!.. Что он там увидел? Можно только гадать. Неужели задумался о чести? Вряд ли. Но очевидно, что белые офицеры пленили его.

А. А. Куренной. М. А. Булгаков в годы работы над романом. Рисунок. Декабрь 1923

В знаменитом романе Артура Кёстлера «Слепящая тьма» старый большевик Рубашов сидит в тюрьме и готов по приказу партии оклеветать себя, как велит партийный долг. В романе есть один написанный отчасти иронически персонаж, обитатель соседней с Рубашовым камеры, которого он про себя называет Четыреста второй (по номеру камеры), бывший офицер царской армии, осужденный на двадцать пять лет, никогда не думавший о высших законах бытия («Не те мозги», — как он сам объясняет). Но он сохранил те чувства, которые казались Рубашову условностями и пережитками: представление о мужестве, независимом от занимаемой политической платформы (так что и во враге, Рубашове, он мог разглядеть человека), о чести, о достоинстве. Характерен их разговор-перестук сквозь стенку. «Неужели вам наплевать на честь?» — интересуется офицер. «У нас с вами разные взгляды на честь», — отвечает Рубашов. «Честь — это верность своим идеалам», — поясняет оппонент. «Честь — это полезность делу без гордыни», — поучает Рубашов. И дальше любопытнейшее определение. «Честь — это никакая не полезность, а порядочность», — выстукивает сосед [Кёстлер, 1989, с. 133]. Это

позиция, которая могла бы придать устойчивость намерению «умереть молча», как советует ему неведомый доброжелатель, не возведя напраслины на себя и свое дело. Но Рубашов определяет честь функционально, через полезность. И идет на заклятие.

Турбины, как и пушкинский Гринев, честь берегли.

* * *

Обвиненного в измене молодого офицера спасает влюбленная в него девушка, его невеста, Маша Миронова, которая отваживается из Симбирска одна приехать в Петербург и без всяких протекций искать встречи с императрицей. Чтобы спасти честь и жизнь жениха. Пушкин завершает роман сценой, где Маша оказывается своего рода Беатриче, выводящей героя из ожидающего его ада. Все же недаром роман называется «Капитанская дочка», название указывает на главную героиню. Концовка романа волшебносказочная. В Царскосельском парке она встречает некую даму, которая сама завязывает с ней разговор.

Она была в белом утреннем платье, в ночном чепце и в душегрейке. Ей казалось лет сорок. Лицо ее, полное и румяное, выражало важность и спокойствие, а голубые глаза и легкая улыбка имели прелесть неизъяснимую. Дама первая прервала молчание.

— Вы верно не здешние? — сказала она.

— Точно так-с: я вчера только приехала из провинции.

— Вы приехали с вашими родными?

— Никак нет-с. Я приехала одна.

— Одна! Но вы так еще молоды.

— У меня нет ни отца, ни матери.

— Вы здесь конечно по каким-нибудь делам?

— Точно так-с. Я приехала подать просьбу государыне.

— Вы сирота: вероятно, вы жалуетесь на несправедливость и обиду?

— Никак нет-с. Я приехала просить милости, а не правосудия.

— Позвольте спросить, кто вы таковы?

— Я дочь капитана Миронова.

— Капитана Миронова! того самого, что был комендантом в одной из оренбургских крепостей?

— Точно так-с.

Дама, казалось, была тронута.

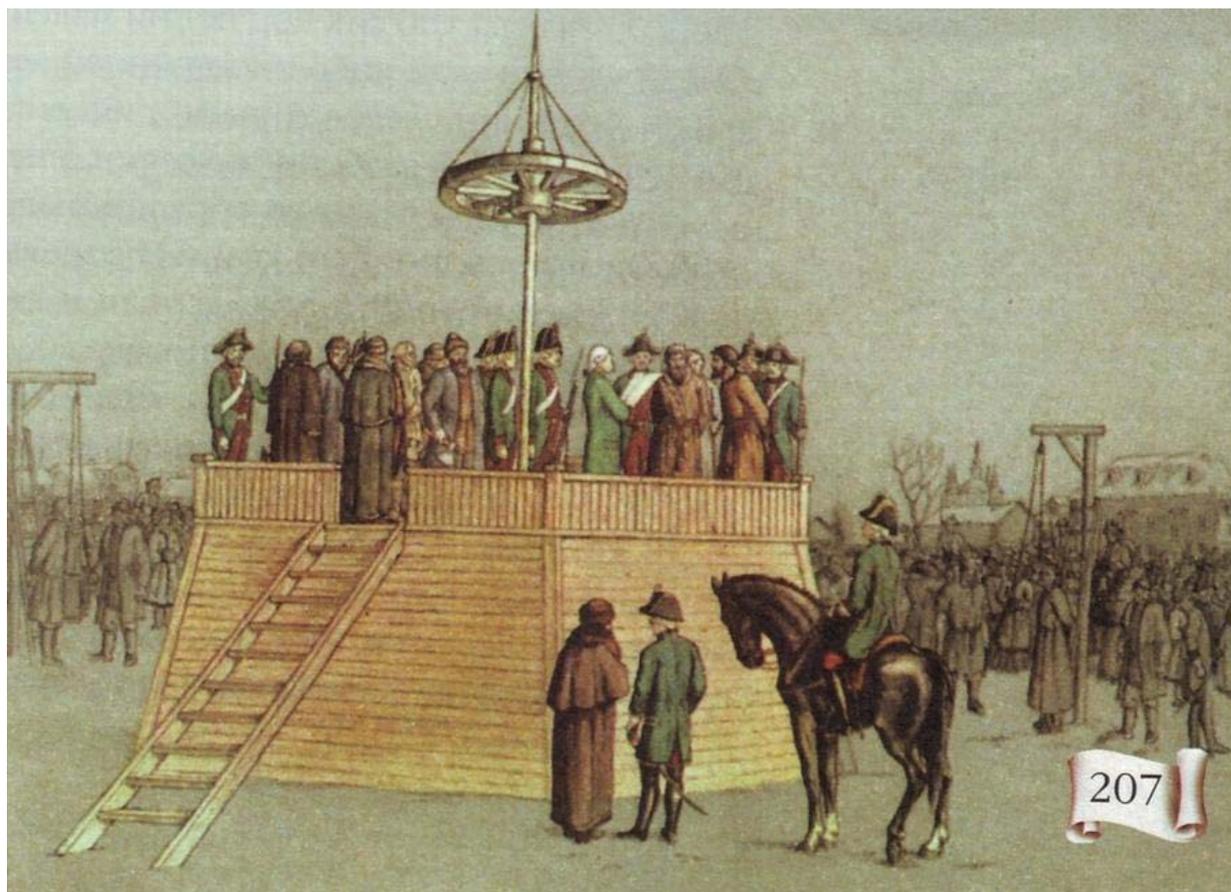
[Пушкин, 1964, с. 84]

В. Л. Боровиковский. Екатерина II на прогулке в Царскосельском парке. 1794

Мария Ивановна рассказывает даме всю историю отношений Гринева и Пугачева, говоря, что он общался с самозванцем из-за нее. Далее откровенная сказка, прямо «Тысяча и одна ночь». Дама оказывается императрицей Екатериной II. Гринев был освобожден от заключения по именному повелению в конце 1774 года. Ибо рассказ Маши — не под пыткой, не из страха, а от сердца был своего рода свидетельством, доказательством.

Императрица сидела за своим туалетом. Несколько придворных окружали ее и почтительно пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково к ней обратилась, и Марья Ивановна узнала в ней ту даму, с которой так откровен-

Казнь Пугачева на Болотной площади 10 января 1775 года. Рисунок очевидца казни А. Т. Болотова

но изъяснялась она несколько минут тому назад. Государыня подозвала ее и сказала с улыбкою: «Я рада, что могла сдержать вам свое слово и исполнить вашу просьбу. Дело ваше кончено. Я убеждена в невинности вашего жениха. Вот письмо, которое сами потрудитесь отвезти к будущему свекру».

Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою, и, заплакав, упала к ногам императрицы, которая подняла ее и поцеловала.

[Пушкин, 1964, с. 85]

Но сатана все же до последней минуты помнит о Петре Андреевиче Гриневе и почти из ада шлет ему привет. Гринев «присутствовал при казни Пугачева, который узнал его в толпе и кивнул ему головою, которая через минуту, мертвая и окровавленная, показана была народу» [Пушкин, 1964, с. 86].

Молодой офицер остался с властью, которая умела карать и миловать *не по прихоти*, а по закону, в результате собранных доказательств, и готова была исправлять свои ошибки.

Список источников

- Булгаков М. А. Белая гвардия. М.: Ладомир; Наука, 2015. 824 с. (Литературные памятники).
- Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: В 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 8: Статьи. 816 с.
- Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 т. Л.: Наука, 1990. Т. 7: Бесы. 847 с.
- Еремеев И. А. Три ключа к «Слову о полку Игореве». СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2021. 528 с.
- Кёстлер А. Слепящая тьма: Политический роман / пер. с англ. А. Кистяковского. М.: ДЭМ, 1989. 208 с.
- Лотман Ю. М. Об оппозиции «честь» — «слава» в светских текстах киевского периода // Лотман Ю. М. Избранные статьи. В 3-х т. Таллинн: Александра, 1993. Т. III. 494 с.
- Пушкин А. С. Капитанская дочка. М.: Наука, 1964. 282 с. (Литературные памятники).
- Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962. 10 т.
- Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М.: Наука, 1989. 811 с. (Литературные памятники).
- Тургенев И. С. Порог // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. М.: Наука, 1982. Т. 10. С. 21.
- Экштут С. А. Пушкин против Пугачева // Родина. 2023. № 9. С. 62–68.

References

- Bulgakov, M. A. (2015) *Belaya gvardiya* [White Guard]. Moscow: Ladomir; Nauka. (Literaturnye pamyatniki) [(Literary Monuments)].
- Gogol', N. V. (1952) *Polnoe sobranie sochinenii: V 14 tomakh. Tom 8: Stat'i* [Complete Works: In 14 vols. Vol. 8: Articles]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR [Publishing House of the USSR Academy of Sciences].
- Dostoevskii, F. M. (1990) *Sobranie sochinenii v 15 tomakh. Tom 7: Besy* [Collected Works in 15 vols. Vol. 7: Demons]. Leningrad: Nauka.
- Eremeev, I. A. (2021) *Tri klyucha k «Slovu o polku Igoreve»* [Three Keys to “The Tale of Igor’s Campaign”]. St. Petersburg: ITs «Gumanitarnaya akademiya» [IC “Humanitarian Academy”].
- Kestler, A. (1989) *Slepyashchaya t'ma: Politicheskii roman* [Blinding Darkness: A Political Novel]. Transl. from the English by A. Kistyakovskii. Moscow: DEM.
- Lotman, Yu. M. (1993) “Ob oppozitsii «chest'» — «slava» v svetskikh tekstakh kievskogo perioda” [“On the Opposition ‘Honor’ — ‘Glory’ in Secular Texts of the Kyiv

Period”], in Lotman, Yu. M. *Izbrannye stat’i. V 3-kh tomakh. Tom III* [Selected Articles. In 3 vols. Vol. 3]. Tallinn: Aleksandra.

Pushkin, A. S. (1964) *Kapitanskaya dochka* [The Captain’s Daughter]. Moscow: Nauka. (Literaturnye pamyatniki) [(Literary Monuments)].

Pushkin, A. S. (1959–1962) *Sobranie sochinenii v 10 tomakh* [Collected Works in 10 vols] (10 vols). Moscow: GIKhL.

Smirnova-Rosset, A. O. (1989) *Dnevnik. Vospominaniya* [Diary. Memories]. Moscow: Nauka. (Literaturnye pamyatniki) [(Literary Monuments)].

Turgenev, I. S. (1982) “Porog” [“Threshold”], in Turgenev, I. S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v tridsati tomakh. Tom 10* [Complete Works and Letters in Thirty Vols. Vol. 10]. Moscow: Nauka, p. 21.

Ekshtut, S. A. (2023) “Pushkin protiv Pugacheva” [“Pushkin Versus Pugachev”], *Rodina*, 9, pp. 62–68.

Информация об авторе: Владимир Карлович Кантор — доктор философских наук, ординарный профессор, главный научный сотрудник, заведующий Международной лабораторией русско-европейского интеллектуального диалога, главный редактор журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог». Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, каб. 215.

Information about the author: Vladimir K. Kantor — DSc in Philosophy, Full Professor, Chief Research Fellow, the Head of International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, Editor-in-Chief of the journal “Philosophical Letters. Russian and European Dialogue”. National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 215, 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.09.2024;
одобрена после рецензирования 01.12.2024;
принята к публикации 10.12.2024.

The article was submitted 15.09.2024;
approved after reviewing 01.12.2024;
accepted for publication 10.12.2024.